
ДИСКУССИЯ

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПСИХОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА-ПСИХОЛОГА¹

© 2015 г. А. Н. Неверов

*Доктор экономических наук, директор Центра психолого-экономических исследований
Саратовского научного центра Российской академии наук, зав. кафедрой Поволжского
института управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Саратов;
e-mail: neverov@psychecon.ru*

Обсуждается подход к пониманию перспектив психологической науки в решении проблем российского общества, предложенный А.Л. Журавлевым, Д.В. Ушаковым и А.В. Юревичем. Ставится задача его осмысления и оценки с позиции целевых функций и возможностей экономической психологии, а также поведенческой экономической теории. Проведенный критический анализ позволяет заключить, что менталитет и модель психосоциального человека являются недостаточными для эффективного ответа психологии на запросы, формируемые обществом. По мнению автора, российская психология может поставить перед собой более серьезную задачу: обеспечить одно из методологических оснований современной системы социогуманитарных наук. Делается вывод о целесообразности привлечения психологического знания в качестве научного фундамента для оценки процесса и результата проектирования общественных институтов, а также организации научного мониторинга изменения психологического состояния российского общества в зависимости от проводимой социально-экономической политики в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах.

Ключевые слова: психология, менталитет, общество, человек, экономика, моделирование, синтез, наука, развитие, мониторинг, проектирование, ноосфера, состояние, релевантность.

Статья членов-корреспондентов РАН А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова и А.В. Юревича о перспективах современной психологии в решении задач российского общества, вышедшая в трех частях на страницах “Психологического журнала” в 2013 г. [9–11], отражает одну из наиболее дискутируемых и принципиально важных проблем современных отечественных социогуманитарных наук. Причем практикующим ученым приходится решать ее ежедневно как в своей научной деятельности, так и в общении с учениками и студентами. Сам факт постановки ведущими психологами России вопроса о роли психологии в развитии современного общества свидетельствует о наличии разрыва между традиционными академическими направлениями исследований и запросами общественной практики, а также о некотором замыкании научной сферы в самой себе.

Данный разрыв в той или иной степени чувствуется, но, к сожалению, далеко не всегда осознается всеми представителями научного сообщества нашей страны. В наиболее острой форме его существование проявляется у молодежи в низкой мотивации к занятиям научной деятельностью.

Рассматриваемая в рамках этих публикаций проблема оценки перспектив психологии в решении задач общественного развития и выдвижения для этого конкретных технологий выступает одновременно как теоретико-методологическая, определяя перспективы развития целой отрасли науки и, косвенно, системы социогуманитарных наук, так и практическая, решение которой закладывает мировоззренческую, этическую и целевую основу научной деятельности каждого ученого.

Важность вопроса о роли психологии в обществе, особенно для молодежи, можно проиллюстрировать двумя примерами. Ежегодный сентябрьский семинар Центра психолого-экономических исследований СНЦ РАН, на котором происходит утверждение научных тем и направлений исследова-

¹ Статья продолжает дискуссию, развернувшуюся на страницах “Психологического журнала” в работах А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова, А.В. Юревича (2013. № 1. С. 3–14. № 2. С. 70–86. № 6. С. 5–25); А.С. Чернышева, С.В. Сарычева, С.Г. Елизарова (2015. № 2. С. 113–119) – *Прим. ред.*

дований младших научных сотрудников, стажеров и аспирантов, четвертый год начинается с вопросов молодежи о том, кому сейчас нужна научная психология и каким будет реальный результат от их работ для общества. Второй пример связан со студенческой аудиторией будущих специалистов экономического профиля и сферы государственного и муниципального управления. Еще не было случая, чтобы студенты в ответ на вопрос о месте и роли психологической подготовки в их будущей профессиональной деятельности не сказали о технологиях манипулирования и управления другими людьми. Очевидно, что и первый, и второй примеры наглядно свидетельствуют о наличии серьезного рассогласования между образом психологии в обществе и ее реальными возможностями и перспективами.

Поэтому поднимаемые в обсуждаемой работе проблемы побуждают к активному реагированию, особенно со стороны представителей таких междисциплинарных областей, как *экономическая психология* и *поведенческая экономика*, что и выступает целью данной статьи.

Сложность и комплексность поставленных авторами вопросов и ограниченный объем настоящей статьи побуждают сконцентрировать внимание только на некоторых спорных, на наш взгляд, тезисах и моментах.

Одним из основных тезисов анализируемой статьи выступает выделение *менталитета* в качестве одного из ведущих психологических факторов общественного развития (“сила, которая способна решительно влиять на конкурентоспособность страны” [9, с. 4]). Справедливо отмечается, что психология призвана решить ряд вопросов, связанных с выявлением «тонких механизмов формирования менталитета, противостояния внешним воздействиям (“упорства”) и репродукции» [9, с. 4].

Именно из факта связи менталитета и социально-экономических процессов, насколько можно судить из текста, делается вывод о наличии “запроса на участие психологии в решении задач, связанных с психологическими факторами социально-экономических успехов общества” [там же]. Наши исследования показали наличие существенной связи психологической и экономической наук в периоды *парадигмальных изменений* последней [25]. Хотя, судя по публикациям А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко, психологическая наука находится в таком же состоянии [8, 13]. Согласно целому ряду оценок экономистов [24], именно парадигмальный сдвиг наблюдается в экономической науке в настоящее время. Этим

обстоятельством во многом объясняется популярность в мировой науке поведенческой и экспериментальной экономической теории, призванной изменить *психологические предпосылки модели человека* в социогуманитарном знании. Причем наиболее четко сформулированный экономистами и социологами запрос касается перевода данной модели на строгий экспериментальный фундамент.

В связи с этим выделение менталитета в качестве единственного психологического явления, на котором может сосредоточиться психология в решении общественных задач, выглядит как упрощение реальной потребности в достоверных психологических фактах и закономерностях, существующей в смежных с психологией научных отраслях, в том числе в экономической науке.

В то же время, выдвигаемый в качестве операциональной задачи психологической науки курс на построение *модели (образа) психосоциального человека* имеет крайне принципиальное значение, и можно полностью согласиться с тем тезисом, что “несогласованность между психологией людей и устройством жизни общества образует то пространство, содержательное заполнение которого составляет стратегическую задачу психологии” [10, с. 80]. Важно, что авторы не ограничиваются постановкой задачи, а намечают *совокупность условий*, на которые должна опираться модель и которые выступают одновременно допущениями или гипотезами. В этом, безусловно, просматривается явное развитие заявленного А.Л. Журавлевым *психосоциального подхода* к исследованию психологических явлений [7], вызывающего интерес у представителей других социогуманитарных наук, а также полезного и эффективного в междисциплинарных исследованиях [20, с. 7–20].

Во-первых, психосоциальный человек рассматривается как динамический, принимающий разные состояния в различных исторических моментах и социально-экономических обстоятельствах. Реализация данного условия по факту говорит о том, что вместо одной “модели психосоциального человека” будет выработано несколько, отличающихся по параметрам культурно-исторического и социально-экономического контекста. Это неизбежно приведет в экономике и социологии к усложнению моделирования, выступающего производным от параметров данной модели, что хорошо осознается авторами. Представляется, что данное усложнение – это необходимая плата за *приближение модели к реальной жизнедеятельности человека*. По нашему мнению, возможно решение по учету данных параметров за счет при-

менения специфических методов, интегрирующих эксперимент, экономическое моделирование и ситуационный анализ, а также за счет выявления жестких связей между параметрами модели [25]. Из этого следует, что данное условие вполне реализуемо, хотя сама по себе реализация потребует значительных усилий, прежде всего, методологического характера.

Во-вторых, данные состояния психосоциального человека находятся во взаимодействии с разными социальными институтами. Причем выделяются два возможных способа такого взаимодействия: *соответствие и конфликт*. Здесь встает вопрос, возможно ли (и если да, то как) отразить при данных допущениях и условиях активную инновационную деятельность субъекта и его способность к опережающему отражению социально-экономических процессов? Представляется более интересным, по крайней мере, со стороны экономической науки, введение условия, при котором состояния психосоциального человека, с одной стороны, находятся во *взаимодействии* с социальными институтами, а с другой – выступают *основой* для порождения последних.

В-третьих, сами состояния, по мнению авторов, *детерминированы* изменениями и характеристиками *социальной и культурной среды*.

В-четвертых, они “подчиняются внутренним закономерностям, преломляющим средовые влияния, что придает им определенную устойчивость и способность сопротивляться внешним воздействиям” [10, с. 72]. В связи с этим вызывает озабоченность отсутствие в условиях модели постулата о *трансформационном воздействии психосоциального человека на социально-экономическую систему и систему институтов*. Без данного условия “психосоциальный человек” может в итоге быть редуцирован к категории исключительно *адаптационных моделей*, которые детально изучаются в психологии [1, 18], но которые не позволяют решать наиболее важные для социогуманитарного знания вопросы о возможностях и условиях оптимального социально-экономического развития.

После описания условий авторы статьи отмечают, что данная “схема задает минимальный уровень сложности, который необходим для того, чтобы подвергнуть анализу роль менталитета в общественных процессах” [10, с. 72]. Таким образом, вся содержательная сторона модели, по сути, сводится к менталитету. Подобная редукция, как мы уже отмечали выше, также вызывает сомнения. Выделим только несколько основных моментов, по которым такие сомнения возникают.

Во-первых, по нашему мнению, менталитет не исчерпывает все психические явления, изучение которых способно оказать существенное влияние на ход социально-экономического развития российского общества. Во-вторых, от психологии, помимо включения менталитета как переменной общественных процессов, требуется целый пласт теоретико-методологической и эмпирической работы над рядом других проблем. Так, существующие сегодня в социогуманитарных науках модели отличаются от реальности не только по критерию кросскультурных различий, но и по допустимому уровню отличия от реальной психологической природы человека. В частности, является заблуждением мнение о том, что современная модель *Ното Economicus* – это модель реального человека западного общества (или, как отмечал М. Вебер, модель человека, опирающегося на протестантскую этику [2]). Данная модель настолько оторвана от жизнедеятельности реальных людей (и, прежде всего, по допущениям об их психике), что она не работает в мировой экономической науке. Следует подчеркнуть, что если бы проблема была только в ошибках недостаточного учета менталитета, то данная модель отвечала бы потребностям, например, США или стран ЕС.

Представляется, что российская психология в состоянии поставить перед собой более значимую задачу – *обеспечения одного из важнейших методологических оснований современной системы социогуманитарных наук*, как это делали в свое время В. Вундт, Г. Тард, Э. Вебер, Г. Фехнер, В.М. Бехтерев, Г. Спенсер и ряд других известных ученых. Существующие в нашей стране такие теоретические подходы, как комплексный, системный, субъектно-деятельностный, личностный и другие, разработанные Б.Г. Ананьевым, Л.И. Анцыферовой, В.М. Бехтеревым, А.В. Брушлинским, Б.Ф. Ломовым, В.Н. Мясищевым, К.К. Платоновым, Я.А. Пономаревым, С.Л. Рубинштейном, Е.В. Шороховой, К.А. Абульхановой и др., а также культурно-историческая психология Л.С. Выготского и теория опережающего отражения Н.А. Бернштейна составляют тот потенциал, который в полной мере позволяет выйти на решение задачи по эмпирическому выявлению и описанию моделей социально-экономической активности, а значит, способен выступить основой для выдвижения *новых моделей человека* в социогуманитарных науках. По нашим прогнозам приоритет отечественной науки и ее возможностей сохранится еще на протяжении 10–15 лет [15]. В связи с этим к числу заметных явлений в современной психологии можно отнести методологические разработки, выполненные в ИП РАН

за последний относительно короткий (менее, чем 10-летний) период [7, 14, 16, 17, 22, 23]. Думается, что они помогут психологическим исследованиям, в конечном счете, перейти в качественно новое состояние, обогащенное новыми моделями, экспериментальными схемами, а также способами обработки и анализа получаемых данных и т.д.

Вторым моментом, вызывающим сомнения, является упомянутая в статье *стратегия изменения менталитета*, применение которой предлагается авторами, когда “по объективным или субъективным причинам не удастся создать институты, приспособленные к менталитету” [11, с. 9]. Помимо трех выдвигаемых в статье вопросов, остается еще, как минимум, один, но принципиальный, – кто будет выступать субъектом такого изменения?

По всей видимости, авторы исходят из того, что субъектом изменения менталитета должно выступать само *общество как коллективный субъект*, тем более, что в Институте психологии РАН имеются теоретические разработки по этому вопросу [6]. Однако в таком случае, согласно принципу единства сознания и деятельности, совокупные действия общества и так ведут к трансформации его менталитета, и выделяемая стратегия становится излишней.

Кроме того, принципиально другое звучание данная стратегия получает при анализе самой ситуации расхождения между содержанием социальных институтов и менталитетом. Так, менталитет включает в себя и то, что современные институционалисты (социологи и экономисты) называют *неформальными институтами*. Как известно, данное течение в виде научной школы, сегодня обозначаемой как “старый институционализм”, возникло в США в конце XIX в. и опиралось фактически на социально-психологическую теорию Г. Спенсера, получившую название “социального дарвинизма” (в том числе на представления о “норме”, как социальном инстинкте). Несмотря на свою более чем столетнюю историю, определенная преемственность подобного понимания институтов как формальных и неформальных правил поведения индивидов в группе (обществе) сохраняется и до сегодняшнего дня. В этом контексте разрыв между менталитетом и социальными институтами может возникнуть только по причине принятия формальных (закондательно установленных, спущенных сверху) институтов, противоречащих системе социально-психологических паттернов, сложившихся в конкретном обществе.

В таком случае речь об изменении менталитета может идти только при условии, если структуры государства реализуют стратегию, противоречащую менталитету населения данной страны. Возможно ли в этих условиях говорить о том, что психология как наука должна ставить перед собой задачу разработки технологий по обеспечению данного процесса? Не может ли это привести в итоге к *дегуманизации* и скрытому (а возможно и явному) авторитарному управлению? Ведь что может быть хуже целенаправленного изменения социальных установок, паттернов поведения и т.п. со стороны политической и экономической элиты? Где защита отдельного человека и общества в целом и возможна ли она от неблагоприятной реализации данной стратегии?

Отсюда можно сделать вывод о том, что источниками “заказа” на изменение менталитета могут выступать или государство, или научное сообщество, или внешние силы (например, государства-конкуренты). Последнее мы наблюдаем в форме так называемой “насильственной демократизации” со стороны США в странах Северной Африки (Ливия, Египет, Тунис и т.д.), Ближнего Востока (Афганистан, Ирак, Сирия), а в последнее время и на территории Европы. Наблюдали мы их и в 1990-е гг. на территории нашей страны и Аргентины. Так, Международный валютный фонд традиционно выступает источником предписываемых к внедрению социально-экономических институтов, а в случае их расхождения с менталитетом основной стратегией страны-заемщика должно становиться изменение менталитета, а не адаптация институтов, причем, как правило, в крайне жесткой форме.

История нашей страны знает периоды подобного изменения менталитета, инициированные самим государством: это период Октябрьской революции 1917 года с выдвижением “модели советского человека” и ее последующей практической реализацией, а также период распада СССР, когда вместо “*Homo Sovieticus*” стали появляться иные модели, например, “социогуманитарного человека” (в том числе в рамках модели “*Generation P*”). В каждом из этих случаев реализовывалась стратегия изменения менталитета, источником (даже детерминантой) запуска которой выступал конфликт между внедряемыми государством институтами и менталитетом населения.

По нашему мнению, гораздо *полезнее реализация стратегии, согласно которой, во-первых, субъектам проектирования общественных институтов будет предоставляться объективная научная информация о психосоциальных послед-*

ствиях предлагаемых ими внедрений, а во-вторых, создана система научного мониторинга изменения психологического состояния общества в зависимости от проводимой социально-экономической политики в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах. Убежден, что роль психологии в решении данной задачи не может быть переоценена! Именно ее решение позволит в полной мере реализовать одно из ключевых положений статьи А.Л. Журавлева, Д.В. Ушакова и А.В. Юревича о необходимости оптимизации психологического состояния общества.

В то же время, если принять задачу оптимизации психологического состояния общества [9] за исходную, то также возникает ряд вопросов, но не к авторам статьи, а к возможным результатам буквального следования данному тезису.

Во-первых, надо определить, что собственно подразумевается под оптимизацией психологического состояния. Вполне вероятно понимание данного процесса как некоего *нормирования* (причем как статистической нормы), а значит реально имплицитное стремление к уравниванию психологических состояний отдельных людей. В этом случае задача оптимизации может противоречить конкретным индивидуальным особенностям живущих и действующих в данном обществе людей. Если же под оптимизацией понимается построение некоего *синергетического эффекта*, т.е. оптимизация состояния за счет оптимизации структуры (долей отдельных психологических типов и страт в общей совокупности), то в таком случае возникает этический вопрос: что делать с “излишками”? Допустим, если доля “экономически активных” (или “экономически пассивных”) людей превышает оптимальные значения для данного общества и в данный исторический период, то как отделить “лишних” и что с ними делать? Представляется, что в сложившихся социально-экономических и политических реалиях решение этой задачи может привести к возникновению нового вида дискриминации, обосновываемой с помощью тезиса об отклонении психологического состояния общества от оптимального. Возможно, конечно, наполнение данной задачи и другим содержанием, однако уже этих вариантов достаточно для того, чтобы понять, что ее формулировка может выступить основой для негативных действий со стороны политиков и других субъектов общественного развития.

Во-вторых, возникает требование к операционализации категории “психологическое состояние общества”. Сами авторы в сноске отмечают, что оно в данном случае выходит за рамки класси-

ческой триады “процессы–свойства–состояния”, в то же время оставляя вопрос о его структуре и содержании в стороне. Между тем, в зависимости от того, что понимается под психологическим состоянием общества и под обществом (например, человечество, цивилизация, население группы стран, отдельной страны или часть такого населения), напрямую будет зависеть эффект от действий психологов на предлагаемом авторами пути. По-видимому, авторы приравнивают психологическое состояние общества к понятию “менталитет”, также не расшифровывая содержание последнего. Это оставляет свободу читателям в его понимании, тем более что в современной психологии единого устоявшегося определения данного термина пока нет.

Для нас принципиальным моментом в контексте рассматриваемого вопроса выступает тот факт, что менталитет при любом его понимании не исчерпывает всей совокупности психологических свойств ни индивидуального, ни коллективного субъектов. В таком случае редукция психологического состояния общества исключительно к его менталитету выглядит некоторым противоречием по отношению к постулатам, заявленным в работах Б.Г. Ананьева и С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой и А.В. Брушлинского, где субъект рассматривается целостным и активным, входящим в социально-экономические процессы не частично, а во всей полноте своих психических проявлений, и поэтому способным оказывать на них трансформирующее воздействие. Фактически той же теоретической позиции придерживается и один из авторов обсуждаемой статьи в своем понимании роли коллективного субъекта в развитии социально-экономических явлений в обществе [6].

В-третьих, авторы отмечают, что “стабильные паттерны, характеризующие среду социума или микросоциума, определяют его психологическое состояние” [9, с. 7]. Представляется более уместным говорить о том, что не только стабильные паттерны социального поведения, но и *динамика изменений паттернов*, характеризующих данную среду, выступает *детерминантой психологического состояния социума*, поскольку интенсивность динамики паттернов, как минимум, задает требования к темпу психологической адаптации.

Помимо вышесказанного, одним из крайне важных аспектов включения психологии в решение общественных задач выступает ее вклад в повышение *реалистичности моделей экономической социализации личности*. Дело в том, что со второй половины XX в. основой для обучения

экономике выступает доминирующая и по сегодняшнему дню *экономическая* (как, впрочем, и социальная) *модель человека*, упрощенная по своей природе и изначально носившая исключительно исследовательский смысл (т.е. создававшаяся на основе наиболее простого из возможных решений). Причем в подавляющем большинстве учебных курсов (в том числе и для психологов), данная модель описывается имплицитно, в неявной форме и, конечно, без учета устоявшихся психологических знаний, сконцентрированных в учебниках по общей [19] и социальной психологии [21], а также без опоры на научные результаты специально выполненных исследований [4, 5].

На этой основе формируется нормативный стандарт экономической активности, а также оценка действий других людей в социально-экономической сфере. Эта проблема, с одной стороны, требует выдвижения *позитивной модели человека* для социогуманитарного знания, что позволит приблизить нормативную модель поведения к реальной жизнедеятельности человека. А с другой стороны, – включения психологии в работу по научно обоснованному *проектированию* экономической социализации личности. Причем данная работа должна вестись не только в ходе закрепления устойчивых связей экономической социализации личности и ее отношения к деньгам, что в настоящее время активно изучается психологами [3, 12], но и при *формировании подлинного экономического субъекта, соответствующего духовно-нравственным устоям общества*, в котором он живет. По-видимому, такая постановка вопроса несколько отличается от выдвинутой авторами обсуждаемой статьи, поскольку требует не только “инкорпорировать более сложный и основанный на психологических исследованиях образ человека в социально-экономические модели” [10, с. 71], но и построить, создать его, т.е. выйти на обобщенную экспериментально и эмпирически верифицированную *модель человека как субъекта социально-экономических процессов*.

Необходимым условием реализации данной задачи выступает обеспечение *релевантности* модели социогуманитарному знанию в целом и его отдельным разделам не столько по форме, сколько по существу. В то же время приведенная конкретизация, как представляется, только подтверждает тезис авторов о том, что “необходимо теоретическое осмысление всего комплекса явлений в целостности как компонентов процесса установления органического соответствия между обществом и психикой людей” [там же].

В этом смысле чрезвычайно важным является выдвижение в качестве задачи для психологической науки *конвергенции* психологического состояния общества с целями, механизмами и инструментами его эволюции (развития). Эта задача может быть конкретизирована в каждый конкретный исторический период как приведение в соответствие потребностей и психологического состояния общества, с одной стороны, и стратегических и тактических задач его социально-экономического развития, с другой. По нашему мнению, именно это значение и вкладывают авторы статьи в термин “оптимизация”, однако, как было показано выше, без уточнения и разъяснения его содержания повышается вероятность злоупотреблений, подобных тем, которые неоднократно наблюдались в истории взаимодействия науки, общества и власти.

В то же время подобное понимание стратегической задачи психологии в обеспечении общественного развития вносит свои коррективы и в предлагаемые авторами способы ее решения. Так, говоря о возможном вкладе психологии в разработку *психологических факторов социально-экономического развития*, авторы выделяют практические задачи двух видов. Первый – организация и реализация совместной работы “с экономистами, социологами, правоведами, политологами с целью снабдить их знаниями об особенностях людей, которые необходимо учитывать в их моделях и практических рекомендациях” [9, с. 4]. Здесь обращает на себя внимание употребление авторами термина “снабдить” при абсолютно справедливом тезисе об *организации совместной работы*. Представляется, что если одна научная отрасль “снабжает” другую, то речь идет все же не о совместной работе, а о сопоставимости результатов или их “междисциплинарной релевантности” (см. также [7, 20]).

По нашему мнению, современная наука – это наука, перешедшая от *стадии специализации* (для которой справедливо выдвижение запросов на “снабжение” одной отраслью других) к *стадии интеграции*. В этих условиях необходима подлинная совместная работа, еще лучше – формирование *междисциплинарных* по составу, а в идеале – по уровню и типу мышления научных групп. Однако в таком случае задача психологии не может и не должна рассматриваться только с аналитических позиций, а требует своего включения в более широкий контекст. Если переводить это рассуждение на практический язык, то, по нашему мнению, совместная работа требует методологической и процессной конвергенции, своего

рода *коммуникативной методологии* между психологией, экономикой, социологией и т.д. В связи с этим одной из задач психологии выступает, с одной стороны, адаптация своих результатов, методов и понятийного аппарата для облегчения их усвоения и использования в смежных областях. С другой же стороны, должно иметь место усвоение и адаптация ряда смежных методов, проблем и т.д. программами психологических исследований. Еще раз повторим, что вершиной этого процесса должны стать *формирование подлинно междисциплинарных научных групп и развитие междисциплинарных направлений подготовки*. Именно по этому пути идет развитие мирового социогуманитарного знания, делая вызов каждой из его отраслей в России. Поэтому крайне важен учет установленной специфики и накопленного опыта междисциплинарных исследований в психологии [7, 20].

Вторым практическим запросом (и даже вызовом) для психологии выступает, по мнению авторов, вопрос “о возможности оптимизации психологического состояния общества” [9, с. 4]. Признавая абсолютную справедливость указания на то, что это способно существенно облегчить достижение социальных и экономических целей, мы считаем его необходимым, но недостаточным. Помимо усилий по оптимизации необходимо также *установление структуры взаимовлияния социально-экономических целей, инструментария государственного управления, качественных и количественных параметров психологического состояния общества*, т.е. в полной мере нужна реализация *принципа единства сознания и деятельности*. В противном случае психология может выступить своего рода “наукой чрезвычайных ситуаций”, когда ее усилия по оптимизации психологического состояния будут идти вразрез (как это зачастую и происходит сейчас в мировой практике) с реальными действиями субъектов социально-экономической сферы, и тем самым вместо оптимизации реальными целями действий психологов станет *минимизация негативного воздействия на человека*. Здесь нельзя не упомянуть об активно развивающейся в последнее время междисциплинарной отрасли знания – “экономической теории счастья”, которая в значительной мере совпадает с проблемой изучения субъективного экономического благополучия. Важно, что в разработке проблем этого направления непосредственное участие принимают психологи [26, 27]. Однако сегодня психологическая составляющая данных процессов выступает *инструментом индикативирования (маркирования) системы целеобразования* в социально-экономической сфере,

тогда как необходимо обеспечение психологической релевантности и целей, и инструментов, и действий всех заинтересованных сторон (в первую очередь, государственной политики).

В завершение хочется выразить благодарность А.Л. Журавлеву, Д.В. Ушакову и А.В. Юревичу за инициацию обсуждения важнейшей для современной психологии темы, позволяющего надеяться на сокращение, а, возможно, и на устранение разрыва между фундаментальной наукой и практикой жизни в нашем обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодров В.А., Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 3 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 9–32.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Горбачева Е.И., Купрейченко А.Б. Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 4. С. 26–37.
4. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Детерминация экономической социализации детей и подростков: теоретический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2009. № 2. С. 16–21.
5. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Детерминация экономической социализации детей и подростков: экспериментальное исследование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2009. № 3. С. 6–12.
6. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51–81.
7. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
8. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Парадигмальные изменения в психологических исследованиях человека // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2012. № 3. С. 3–13.
9. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 1. Постановка проблемы и теоретико-методологические задачи // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 3–14.
10. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского об-

- щества. Часть 2. Концептуальные основания // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 70–86.
11. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть 3. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 6. С. 5–25.
 12. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Отношение к деньгам предпринимателей с различным психологическим типом экономической активности // Психология и экономика. 2009. Т. 2. № 1. С. 12–32.
 13. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Проявление в экономико-психологических исследованиях парадигмальных изменений в психологической науке // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 2. С. 21–34.
 14. Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
 15. Неверов А.Н. Образовательные технопарки: точки роста в ноосферной экономике. Саратов, 2010.
 16. Парадигмы в психологии: науковедческий анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Т.В. Корнилова, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
 17. Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
 18. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
 19. Психология XXI века: Учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
 20. Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти члена-корреспондента РАН А.В. Брушлинского, 8 октября 2002 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2003.
 21. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
 22. Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
 23. Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2007.
 24. Философия экономики: Антология / Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.
 25. Экономико-психологическое моделирование / Под ред. А.Н. Неверова, В.А. Маркова. Саратов, 2010.
 26. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Коллективные смыслы как предпосылка личного счастья // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 5–15.
 27. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Счастье как научная категория // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 8. С. 715–723.

ON PROSPECTS OF PSYCHOLOGY IN RUSSIAN SOCIETY PROBLEMS’ SOLVING: POINT OF VIEW OF ECONOMIST- PSYCHOLOGIST

A. N. Neverov

Sc.D. (Economics), director of Center of Psycho-Economic Researches at Saratov Science Center of Russian Academy of Science, head of the department of economic psychology and psychology of public services of Stolypin Volga Region Institute of Administration of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Paper is devoted to the science reflection to approach to understanding of perspectives of psychological science in solving problems of Russian society suggested in series of papers of A.L. Zhuravlev, D.V. Ushakov and A.V. Yurevich. The author sets the task of understanding and evaluating of suggested approaches and technologies from the position of aim functions and opportunities of economic psychology and behavioral economics. Critical analysis, that was made from this point of view, lead to the conclusion that mentality and model of psychosocial human are insufficient to answer of psychology to the questions that are formed by the society and other science disciplines. To the author opinion, Russian psychology can set a more ambitious aim – providing a methodological foundation of the new building of socio-humanitarian sciences. It is made the conclusion about the reasonable of involving of psychological knowledge as a scientific foundation for evaluating of process and result of social institutes design and for creation of system of science monitoring of psychological state of society changes in depends on ongoing socio-economic policy in the short, medium and long term periods.

Key words: psychology, mentality, society, human, economics, modeling, synthesis, science, development, monitoring, design, noosphere, state, relevance.